

В.Л. Цымбурский

ФРАКИЗМЫ В ОНОМАСТИКЕ ЭТРУРИИ И В ЕЕ ПАНТЕОНЕ*.

Проблематика “балканского человека” с неизбежностью должна охватывать, в том числе, и вопросы, связанные с балканским вкладом в языки и культуры соседних регионов Европы и Средиземноморья. Именно в этой связи мне хотелось бы обсудить выявляемые ниже с достаточной достоверностью фракийские (восточно-балканские) элементы в ономастике и в религии Этрурии.

Фрако-этрusco-лингвистические сопоставления имеют за собою известную традицию, хотя, по правде, не слишком вдохновляющую. Начало ей положил, похоже, Д. Дечев со своей идеей “этрuscoидного” субстрата во всей балто-балканской полосе, где, по его мнению, индоевропейские языки (германские, армянский, также будто бы фракийский и фригийский) оказались охвачены под влиянием этого субстрата передвижением смычных. В частности, Дечев выдвинул версию происхождения фракийского языка, которую, похоже, не считал возможным разделить с ним ни один автор, – а именно возникновения данного языка вследствие напластования на подобный “этрuscoидный” субстрат некоего иранского диалекта [Дечев 1952, 55-56]. На самом деле, если в этой экстравагантной концепции заменить по отношению к Балканам “иранский” на “индоевропейский сатемного типа”, а “этрuscoидный” на просто “доиндоевропейский”, хотя бы с оговорками, включающими в его состав праэтрusco- (тирсенские) элементы, построение Дечева займет место между воззрениями его учителя П. Кречмера (“protoindogermanische Schicht”) и позднейшей археологической схематикой “индоевропеизации” данного пространства (в духе школы М. Гимбутас).

В поддержку своей гипотезы Дечев привел несколько фрако-этрusco- ономастических созвучий (типа фрак. Μάνης ~ этр. Manē, фрак. Μάρων, топоним Μαρώνεια ~ этрусский титул *magi* и т.д.). Позднее в своих “Thrakische Sprachreste” он значительно умножил их число, однако пустив их вперемешку с фрако-кельтскими, фрако-малоазийскими, фрако-иранскими и иными переключками. При этом сходные формы часто без надежной этимологии и выраженной этно-языковой атрибуции,

* Славянское и балканское языкознание: Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003.

появляются в ономастике разных регионов (достаточно сказать, что те же самые Μάνης и Μάρων и многие другие имеют звуковые аналоги и у кельтов, и у малоазиатов), чем создается эффект не то трансрегиональной ономастической койне, не то псевдокойне, порожденной в восприятии исследователя иллюзиями созвучий. Если добавить сюда, что в этрусской части своих списков Дечев сплошь и рядом черпал материал из работы В. Шульце [Schulze 1904], как известно, зачислившего массу латинских имен в этрусские часто без специальных доказательств, – в лучшем случае мы обретаем в таком перечне проблемный материал, требующий перебора, отсева и готовности к любым, в том числе и сугубо негативным результатам.

У В. Георгиева с его гипотезой хеттского генезиса этрусков и, вместе с тем, их троянского прошлого со столицей над Фракийским морем, мы находим некоторое число фрако-этрусских сближений, иногда откровенно неприемлемых по фонетическим критериям. Так, из работы в работу он повторял сравнение эпиклезы фракийского бога-всадника Σουιτουληνός с этрусским именем божественного кузнеца Seθlans [Георгиев 1958, 115; Георгиев 1977, 33, 61; Georgiev 1979, 126], невзирая на то, что в этрусском анлаутное sv- представлено достаточно часто и вовсе не видно никакой тенденции его упрощения в простое s-.

Позднейшие этюды на фрако-этрусские темы, появляясь время от времени в печати, большого доверия к проблематике внушить также не могли: напомним попытку выделить в сплошной, нерасчлененной на слова буквице надписи из Езерово буквосочетания, отдаленно перекликающиеся с этрусскими именами или апеллативами [Orel 1984], – см. критическую реплику по этому поводу [Гиндин, Цымбурский 1987].

Итак, мы видим парадокс: Thraco-Tyrrhenica обозначилась в XX веке как тема и проблематика притом, что нельзя говорить пока ни о каких достоверных фактах, которые были добыты по ходу ее разработки. Ее становление и научное укоренение по преимуществу определились инспирирующим влиянием внешних данных, указывающих на локализацию этрусской (тирсенской) прародины в северо-западных, то есть обращенных к Фракии, прибрежных районах Анатолии и на соседних с ними островах. Таковы: традиция о приходе этого народа в Италию из Лидии (Геродот) и о тирсенах на Лесбосе (Гелланик, Мирсил), а также, в особенности, Лемноская надпись с ее архаизмами, принципиально уточняющими ряд деталей праэтрусского (тирсенского) языкового состояния¹. Именно эти факторы делают фрако-этрусскую

¹ Так, лемноская форма [aviś]sialxviś "60-ти лет", вместе с внутриэтрусским

тему априорно не лишенной смысла – но тем острее они же поднимают вопросы о критерии достоверности и весомости выдвигаемых сближений, а также об истолкованиях этих параллелизмов в тех случаях, когда они могли бы "потянуть" на реальные изоглоссы. Я склонен считать, что искать надо в первую очередь случаи эксклюзивного соответствия этрусских форм – формам фракийским с достаточно надежной и признанной этимологией, притом что в самом этрусском выявляемые индоевропейские основы характеризовались бы либо явно фракийскими фонетическими особенностями, либо – если таковое можно доказать – некоей фракийской семантической и морфологической спецификой, выделяющими такие случаи на фоне диалектных рефлексов тех же основ по иным диалектным ветвям индоевропейской семьи.

Похоже, что в этрусском впечатляющие факты такого рода действительно есть. Их очень мало, но эта немногочисленность объясняется в частности и тем, что этрусский языковой материал – это в массе своей личные имена, между тем как во фракийском этот пласт лишь в очень ограниченной мере допускает убедительное этимологизирование (в отличие от фракийской топонимики с ее сквозными и богатейшими балтийскими аналогами). Тем не менее, эти считанные случаи, похоже, способны пролить дополнительный свет на раннюю северо-эгейскую стадию праэтрусского этно- и культурогенеза.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ФРАКИЗМЫ В ЭТРУССКОМ: ИМЕНА С САТЕМНЫМИ РЕФЛЕКСАМИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ.

Как известно, в I тыс. до н. э. (в вилланованскую эпоху и позднее) на землях Италии этрусски соприкасались в основном с индоевропейцами, говорившими на языках типа centum – различными ветвями италийцев, венетами, позднее также – с продвинувшимися из центральной Европы отрядами кельтов. В Анатолии, откуда традиция выводила этрусков, среди индоевропейских языков до конца II тыс. до н. э. доминировали хетто-лувийские, также принадлежащие к кентумным. Некоторые нюансы отражения палатальных в этих языках вроде ассибиляции k' перед u и

необычным соотношением max "5": muvalx "50", сыграла решающую роль в реконструкции Г. Риксом для тирсенского праязыка огубленного спиранта x^w. В результате числительное "5" оказалось на общетирсенском уровне восстановлено в виде *max^w, а эволюция обозначения для 50 (с показателем десятков *-alx^wi) приобретает следующий вид: *max^w-alx^w(i) > *maw-alx^w (диссимиляция) > *muw-alx^w > muwalx [Rix 1989, 186].

выпадения в лувийском *g'h уточняют характеристику этой группы, однако принципиально ее не меняют [Иванов 1980, 148]. Из сатемных языков ближайшим к исторической Этрурии был иллирийский на западе Балкан (с возможно родственным ему мессапским в Италии). С балканскими иллирийцами этруски уже с VIII – VII вв. до н. э. поддерживали связи в рамках своей общей заинтересованности в функционировании т.н. янтарного пути через континентальную (кельтскую) Европу, сдвинувшегося в эти века на запад вследствие скифского натиска из степей – см. для обзора [Бузек 1994] с рассуждениями об "адриатическом культурном койне" этого времени. Тем любопытнее на фоне этой исторической картины, что у этрусков Италии мы встречаем родовые имена, имеющие прозрачные параллели не на северо-западе, а на северо-востоке Балкан – во Фракии, к тому же, с хорошими индоевропейскими этимологиями во фракийском при обычных для этого языка отражениях индоевропейских гуттуральных по типу *satem*.

А. Наиболее наглядные примеры на индоевропейские палатальные.

1. Этр. *Resu*, -*ui*, *Rezu* – варианты передачи одного и того же родового имени из Перузии (CIE 4168 - 4177), *Resui* (жен. род) в Клузии, там же расширенная форма *Resna* [ThLE I, 302-304] ~ фрак. Ρῆσοϛ, имя мифического царя-полубога, также обычное мужское имя во Фракии, в частности, передаваемое в беотийской надписи III в. до н. э. через Ραιζδοϛ т.е. [Redzos]. Эта фракийская основа в индоевропеистике стандартно возводится к и.-е. *gēgʰ- 'сакральный царь', др.-инд. *gāja*, лат. *gex* и т.д. [D, 393; Tomaschek 1980, II, 1, 53; Георгиев 1977, 92; Гиндин 1981, 129; Иванов 1989, 6; Бенвенист 1995, 250].

1а. Лингвистами дискутируется возможность отражения той же основы во фракийских царских именах Ράσκοϛ, Ρασκοῦ-ποριϛ, Ρησκοῦ-ποριϛ, Ρεσκοῦ-ποριϛ, в женском имени *Resku-turme* [D, 393 сл.]. Часть авторов видит в *Ρασκοῦ-/Ρησκοῦ-*расширенный вариант к Ρῆσοϛ [D, 393 сл.; Гиндин 1981, 129; Иванов 1989, 6], другие предпочитают сближение с др.-в.-нем. *gasc* "стремительный", англ. *gash* [Tomaschek 1980, II, 2, 27 сл.; Kretschmer 1925, 103; Георгиев 1977, 91, где допускается контаминация с Ρῆσοϛ, Дуриданов 1976, 80]. Если принять первое решение, то образование с суффиксом -*ko* можно было бы расценивать как морфологическую параллель к др.-инд. *gāja-ka* "малый царь" > просто "царь". В целом же *Ρεσκοῦ-ποριϛ* и т. д. со вторым элементом из и.-е. **pu-gi* "сын, мальчик" (ср. лат. *puer*, др.-инд. *putra*) выглядело бы своего рода формульным соответствием к др.-инд. *gāja-putra* "царский

сын, принц", далее к хот.-сакс. *gras-pura*, *grais-pura* "царевич" < **gaz-puθra* [Герценберг 1981, 307]. Показательно, что в Этрурии основа *Ρασκου-/Ρησκου-* обретает точные параллели в имени из Вульчи *Rasce*, в женских именах из Клузия *Resciunia* и из Таламоне *Rescial* [ThLE I, 301, 303]. В последних случаях для этрусского выделяются ономастические основы *Resci-* и *Resciu-* – последняя по аналогии с парами *Claniu:Claniunia*, *Leθiu:Leθiunia*, *Nurziu:Nurziunia*, *Pruciu:Pruciunia* [ThLE I, 110, 222, 261, 278]².

2. Этр. *Zauturia*, *Sautri*, варианты (итализированный и собственно этрусский) передачи одного и того же родового имени женщины из Перузии (CIE 4301-4302), там же расширенная форма *Sauturine*, -*ni* [ThLE I, 163, 310 сл.], ~ популярное во Фракии, в том числе среди ее царей и знати имя *Σεύθας,-ης,-ος*, *Seutha*, -*as*, -*es*, -*us*, *Sautes*, *Zeuta* [D, 434-437, 421]³. С XIX в. (Р. Рёслер) это имя возводится к и.-е. **g'heu-tēr* "жрец, совершитель возлияний", др.-инд. *hotar*, авест. *zaotar* [D, 437; Георгиев 1977, 45]; ср. также наблюдения Л.С.Баюн [1987, 5 сл.] над вероятным присутствием гетероклитического варианта той же основы в ликийском названии жреца *utā*, -*en* с обычным для лувийской ветви выпадением и.-е. *g'h* (см. выше). В этрусских же передачах показательно, как и в *Resu / Rezu*, факультативное появление *z* на месте этого древнего палатального, по-видимому, более точно, чем в варианте с *s*, отражающее древнее аффрикативное звучание фонемы. Особенно интригует возможность усмотреть апеллативное употребление той же самой основы *zav(e)* в архаическом этрусском (VII-VI вв. до н. э.) названии разновидности сосудов *zavena*⁴, уменьшит. *zavenuza*, представляющем по своей структуре субстантивированное прилагательное с суффиксом -*na* (типа *suθina* "погребальная принадлежность" при *suθi* "погребение", *aisna* "религиозное приношение, служение" от *ais* "бог" [Pffifig 1969, 93]) от **zave-*, может быть, "возлияние" (~ греч. *χοή* "возлияние", др.-инд. *havis* "жертва"). Существование в этрусском форм *Zauturia* (*Sautri*) и *zavena* позволяет допустить, что в какую-то эпоху в состав праэтрусков влились носители того же сатемного

² О формах родовых имен женского рода на -*unia* в Клузии как о проявлениях этрусско-италийского билингвизма в этом краю с III в. до н.э. см. [Rix 1963, 178 сл.]

³ Едва ли прав И.Дуриданов, вырывая форму *Sautes* из фракийского контекста и обособленно сближая ее с др.-латв. *Sautte* и т.д. из латв. *sautis* "лентяй" [Дуриданов 1976, 65].

⁴ В архаической Этрурии *zavena*, по характеристике Дж. Колонны – тип сосудов для питья с вертикальными ручками [Colonna 1981, 79-85].

индоевропейского языка, который использовал данную основу в своей обрядовой терминологии ⁵.

3. Этр. Ezra в Клузии, Ezru(s) в Тарквиниях и Вульчи [ThLE I, 123] ~ фрак. Εζβεω, род. падеж в надписи из Врацы [Георгиев 1977, 77], далее личные имена Εζβενις, Εσβενιος, Esbenus, Hezbenus [D, 1976, 165]; кроме того, та же основа просматривается в эпитетах бога-всадника Хэроса из окрестностей Варны Βετ-εσπιω, Ουετ-εσπιω, Ουτ-ασπιω [D, 56, 349]. Во фракийском она неоспоримо продолжает и.-е. *ek'wos, -a “конь, лошадь”, др.-инд. aṣva, авест. aspa, лик. esbe, лат. equus и т.д. [Рокорну 1959, 301; Дечев 1952, 74; Георгиев 1977, 77; Дуриданов 1976, 62, 75; Гиндин 1981, 134 сл.]. Отмечу, что сочетание -ζβ-, -zb-, появляющееся в некоторых греческих и латинских транскрипциях этой основы точно соответствует сочетанию -zр- в этрусском.

4. Этр. Sveitu(s), Sveitui в Вольсиниях, Вульчи, Тарквиниях и Клузии, также вариант Svetu в Перузии, далее расширенная форма Svetne из Клузия, кроме того, жен. род. Svetunia в надписи неизвестного происхождения, но по форме – из клузино-перузинского ареала [ThLE I, 320 сл., ThLE II, 45] ср. во Фракии эпиклезы Хэроса Σουη[τουληνω], Σουιτουληνω с частым во фракийских теонимах адъективным суффиксальным оформлением на -λ-ηνος [Гиндин 1981, 33]. Основа этого эпитета явно отражает и.-е. *k'weit(u)-, ср. др.-инд. ṣveta “белый”, слав. svěť, лит. sviēsti “светить” – см. [Георгиев 1958, 115 сл., Георгиев 1977, 94 с указанием на то, что первая из этих надписей происходит из селения, по-турецки называвшегося Акча-Кайрак, т. е. “Белая плита”, а по-болгарски именуемого “Бели Пласт”; Дуриданов 1976, 51 с попыткой восстановить местное название *Svitula]. Бросается в глаза, что продолжения и.-е. *ek'wos и *k'weit(u)- во фракийской и в этрусской ономастике демонстрируют совершенно одинаковое различие рефлексов *k'w в инициальной (фрак. Σουη-/Σουι-, этр. Svei-/Sve-) и в интервокальной (фрак. -zb-, -sb-, -sp-, этр. -zр-) позициях.

Кроме этих, на мой взгляд, полностью надежных сопоставлений я бы мог назвать еще два более спорных.

⁵ Фракийская глосса ζετραία: χύτρα “горшок” (Hes.), если она и продолжает и.-е. *g'heutra [Tomaschek 1980, II, 1, 11], едва ли представляет опisku, как думает Дуриданов. Засвидетельствованная неоднократно (ср. Pollux, 10, 95), эта форма, подтверждая существование основы *zeitēr/zeutra в прафракийском, могла бы рассматриваться в своем звучании как проявление особого диалекта, либо, учитывая характер реалии, особого (сниженного) речевого стиля. Впрочем, отметим догадку [Георгиев 1977, 15] о звучании глоссы [zetreia] < *[zitreia] как о греческом развитии старого фракийского заимствования *ζυτραία < *g'hutra.

5. Этр. Zertna(s) в Вольсиниях, Zertnai (жен. род) в Тарквиниях с основной Zert- [ThLE I, 164] ~ фракийский эпитет Аполлона Ζερδηνος, Ζαρδαίνοϛ [Георгиев 1975, 34]. Вопреки Георгиеву, мы едва ли имеем в этом прозвище образование от древнего названия Софии Σαρδός (Sardica, Serdica) или от имени соседствовавшего с ней племени Σερδοί...: ни этот топоним, ни этникон, как будто, не встречаются в написаниях с начальным Z-. Вместе с тем, учитывая оригинальные греческие эпитеты Аполлона во Фракии как защитника и хозяина двора, огражденного пространства Αὐλαρκηνός, Αὐλαρχηνός [D, 34], мы открываем возможность сблизить Ζερδανος с и.-е. *g'herdh- "ограждение", которое представлено в лит. žárdas "сооружение для сушки гороха, льна, зерна; ограждение для скота", žārdis "огражденный выгон", žārdininkas "работник, батрак, садовник", др.-прусс. sardis "ограда", русск. диал. (о)зород "огражденное место для стога", фриг. (?) Mane-zordum, в дублете к Mane-gordum "город Манеса" [Fraenkel 1965, 1290-1291; Pokorny 1959, 444] ⁶. Нет препятствий для причисления прозвища фракийского Аполлона Зердена к тому же ряду. При этом ничто не мешает соотнести с этой фракийской основой также основу приведенных тарквинийского и вольсинийского гентилициев. Надо, однако, иметь в виду, что выдвигаемая этимология для фракийской основы пока не является общепринятой.

6. Этр. Zemni в Клузии [ThLE I, 164] можно сопоставить с первым элементом фракийских композитов Ziemi-ce(n)s, Ζιμι-κενθις, Ζημο-καρτης, вероятно, сюда же простое имя Zimius. Георгиев [1977, 93] видит здесь ту же самую основу *g'hem- "земля", что в имени матери Диониса Семелы. И надо сказать, что с учетом семантики элемента -κενθις (-κενθος, -centhus, -centius), широко встречающегося во фракийских сложных именах и родственного ср.-ирл. cinim, слав. *čędo "чадо", *za-čęť "зачатый" (ср. Διασ-κενθος "Чадо небесного бога", Επτα-κενθος "Чадо [богини] Эпты", Μουκα-κενθος "Сын племени") – толкование Георгиева давало бы для Ziemi-ce(n)s, Ζημι-κενθις неплохой смысл "Земнородный". Но осмысление Ζημο-καρτης очень проблематично из-за возможностей разных толкований для второго компонента: то ли из греч. κράτος «сила» (*"Имеющий силу от Земли"), то ли с лит. kartà "род, поколение". Наконец, для

⁶ Основа *g'herdh- / g'hordh- обычно трактуется как палатализованный вариант к *gherdh-, давшего общеизвестные и многочисленные индоевропейские слова для "ограды", "города", "дома" (др.-инд. gr̥ha) и т. д. [Pokorny 1959, 444]. Правда, акцентологическая реконструкция В.А.Дыбо радикально разводит эти основы, относя лит. gārdas "ограждение, загон" и žárdas к разным акцентным парадигмам [Дыбо 1981, 22, 24], но ср. žārdis и žārdininkas с той же просодикой, что у gārdas. Здесь явно должна идти речь об основе с варьированием просодической характеристики, ср. [Fraenkel

Zimius мыслимо прямое сближение со слав. *zъmjь, зоонимом, производным от того же наименования земли. Отсутствие признанного понимания этих форм среди фракологов побуждает оставить соотнесение с ними этр. *Zemni* в резерве, и то же касается предыдущего случая с *Zertna*. Тем самым, я отличаю эти проблематичные случаи от четырех рассмотренных в начале схождений, способных служить опорой для последующих фрако-этрасских исследований.

В. Примеры на индоевропейские лабиовелярные.

1. Этр. *Seθurna*, -*nei* в Вольсиниях и Клузии, также *Seturnal* (жен. род, род. падеж) в одной надписи неясного происхождения [ThLE I, 100, 105] ~ фракийские имена, содержащие рефлекс и.-е. *k^wetur- “четыре” и, по-видимому, указывающие на особое значение “четверичности” в картине мира фракийцев: *Κετρε-ζερ[ις]* < *k^weturi-g'hesri “Четырехрукий”, *Κετρι-πορις* < *k^weturi-puri “Имеющий четырех сыновей” (видимо, тип имени-пожелания, ср. аналогичное *Τρι-κεντιος* “Имеющий трех чад”), *Κετριζεις*, *Setrilas* [Дуриданов 1976, 76; Георгиев 1977, 85]. Надо отметить, что среди реализации этой основы по индоевропейским языкам к этр. *Seθurna/Seturna* ближе всего стоят формы фракийские и балтийские (лит. *keturi*).

2. Этр. *Perkna* (Кортон), *Percnaz*, *Prknś* (Лукка), *Percna*, *Perkn*, *Perkniś* (Спина), *Perciu(ś)* (там же), далее *Percumсна*, в латинской передаче *Pergomsna* (Клузий, Перузия), наконец, *Perceθnei* (Клузий) [ThLE I, 270, 386; ThLE II, 41] ~ фрак. Πέρκη древнее название Фракии (St. Byz.), Περκώτη топоним на обращенном к Фракии троянском побережье (Il. II 835, XI 229, XV 547), сюда же известные фракийские вотивы богу-коннику Περκω “Нрω и “Нрωει Περκωει – образования, входящие в известный индоевропейский ряд дериватов от основ *perk^wo-, *perk^wu-, которые обозначают “гору, скалу”, “горный лес, дубовый или сосновый”, “обитающего на горах грозового бога”. Четверть века тому назад В. Н. Топоров предположил, что к тому же ряду могут быть причислены и этр. *Percna* (= лат. *Percenna*) [Топоров 1977, 58]. Я хотел бы развить и дополнить эту догадку следующими соображениями.

Форма *Perceθnei* < *Perce-θe-na-i, вместе с латинской передачей *Percna* как *Percenna* дала повод К.Де Симоне восстановить прономинальную первичную основу *Perce [De Simone 1975, 152]⁷. Далее для гентилиция *Percumсна*, построенного так же,

1965, 1290 сл.]

⁷ В первом наброске данной работы [Цымбурский 2001] я предположил, что имя *Perceθnei* построено по типу *Manθvatnei* от *Manθvate* “Мантуанец” [ThLE I, 233] и

как *Arcmsna*, *Lauxumsna*, *Ucumzna*, *Uxumzna*, восстанавливается цепочка суффиксов *-*me-se-na-* (**Percu-me-se-na*), где гентильному форманту -*na* предшествует адъективный суффикс италийского происхождения -*se-*, вариант к -*sie-* [De Simone 1991, 203; Pfiffig 1969, 182]. При этом деривационная история формы *Percumsna* допускает двойное истолкование. По аналогии с приводимыми К. де Симоне парами *Uxu:Uxu-mzna*, *Uku*(?-вычленение этого имени не очень надежно):*Uku-mzna* можно бы реконструировать основу на -*u* **Percu-*. С другой же стороны, имеем такой случай, как *Lauxumsna*, с исторической основой на -(*u*)*m(e)-*, представленной в этр. *Lauxme* (= лат. *lucumo* "царь у этрусков"), *lauxumna* "царское помещение" [Pallottino 1984, 511]. Если ориентироваться на этот прецедент, тогда можно прямо воссоздать основу **Percum(e)-*. В этом случае нелишне будет вспомнить известную этрусскую тенденцию преобразования -*un* > -*um* в *auslaute*, имевшую место в начале исторического времени и охватившую ряд заимствованных из греческого названий сосудов (напр., этр. *qutum*, *qutum*, уменьшит. *qutum-uza* < греч. *κόθων*; этр. *rgixum* < греч. *πρόχουν*, вин. падеж от *πρόχους*; этр.(уменьшит.) *laxtum-uza* < греч. *λήκυθον*, вин. падеж от *λήκυθος*). Эта закономерность может быть, позволила бы предположить в этр. *Percum-* след древней основы на -*n*, той самой, что налицо во фрак.*Περκωνει*, в лит. *Perkunas*, в гот. *fairguni* "гора" и т.д. Если изложенное сближение оправданно, то на фоне иных известных или предполагаемых отражений той же серии, территориально более близких к этрусскому ареалу – таковы кельт. *ἔρκος* "δρυμός", *Hercynia [silva]*, гойдельск. *Querquerni*, иллир. *Κέρκυρα*, *Κερκίνη*, этноним *Κορκοντοί*, лат. *quercus*, -*us* "дуб", названия *Quercens*, *Querquensia* [Mayer 1951; Гиндин 1981, 86] –, этрусские формы по своему звуковому облику обнаруживают наиболее тесно смыкались бы именно с фракийскими.

* * *

содержит в основе этнонимический суффикс -(*a*)*te*, широко использующийся в именах, образуемых от местных названий: *Sentinate* "Житель Сентина", *Frentinate* "Ферентинец", *Urrinate* "Житель Аурины", *Curthute* "Уроженец Кортонь" (этр. *Curtun*) [Rix 1963, 234; Pfiffig 1969, 167]. Поэтому мною, допускалось, что воссоздаваемая де Симоне базисная основа **Percse* могла иметь функции не только прономена, но и топонимическую семантику. Однако сквозной просмотр материалов "Тезауруса этрусского языка" [ThLE I, ThLE III] показывает: хотя переход -*tn-* > -*θn-* известен этрусской ономастике – ср. напр. варианты имени *Cutnas* и *Cuθnas* в Тарквиниях при *Cutna:Cutana(sa)* в Клузии, также *Cutu* в Тарквиниях, Вольсиниях, Перузии [ThLE I, 116, 120] – но у нас просто нет свидетельств, которые позволили бы судить о возможности или невозможности такого развития в производных от этникон-образований на -(*a*)*te*.

Как расценить разобранные лингвистические факты? Дают ли они повод для гипотезы о фракийцах, переселившихся в историческое время в Этрурию и осевших чуть ли не во всех крупнейших ее городах? Или приведенные имена надо рассматривать как почерпнутые ранними этрусками (тирсенами) в дописьменный период их истории у предков исторических фракийцев? Первое решение мог бы подсказать разнобой в передачах имен Resu/Rezu, Sautri/Zauturia, как бы не до конца адаптированных этрусской фонетикой и ориентированной на нее графикой. Но в пользу второго свидетельствует едва ли не более сильно различие между вокализмом форм фрак. Σεύθης, -ας < и.-е. *g'heu-tēr > *g'heu-tā и этр. Zauturia, Sautur(ine) < и.-е. *g'houtōg или *g'heu-tōg, при гораздо более древнем облике этих этрусских имен в целом: ибо они непосредственно обнаруживают ту основу на -ter/-tor, которая для фракийского – где имя, похоже, перешло в основы на -tā [Георгиев, 1977, 93; Бакун 1987, 6] – восстанавливается лишь по внешним, индо-иранским, соответствиям. Аналогично и этр. Cetur-na, Сетур-на по своему вокализму так же соотносится с фрак. Кетри-, Кетре- как лит. keturi с позднейшим развитием ст.-лтш. cetri, лтш. četri.

Итак, идея этрусской прародины в приморской Северо-Западной Анатолии и на прилегающих островах могла бы существенно подкрепиться тем, что на этой прародине этруски заимствовали у ранних фракийцев (или прафракийцев) имена, восходящие - в характерной фракийской аранжировке – к характернейшим терминам индоевропейского культурного словаря, включая обозначения для “сакрального царя”, “жреца – совершителя возлияний”, “коня”, “четверичности”, для смыслового комплекса “горы, горного леса, бога-громовержца”⁸. Как уже говорилось, таких случаев

⁸ Среди этрусских спекуляций Георгиева одной из самых интересных идей мне видится трактовка этрусского самоназвания gasna (~ греч. Ρασέννα, имя мифического тирсенского царя в Dion. Hal. I, 30) как рефлекса и.-е. *rēg'- "царь", *rēg'no- "царство" будто бы заимствованного этрусками из какого-то сатемного языка, предположительно "дардано-мисийского" [Георгиев 1958, 190; Georgiev 1979, 107; Georgiev 1981, 242]. Несомненно, такая этимология была навеяна старой немецкой традицией толкования gasna в смысле "populus", "publicum" – ср., по В.Бранденштайну, "rasena = publicum also "Staat", vielleicht "Konigtum"" [Brandenstein, s.a., 1917]. Также у А.Пффифига "mex gasna = res publica" [Pffifig 1969, 295]. Мне уже приходилось указывать на комбинаторные моменты, способные придать привлекательность догадке Георгиева [Цымбурский 1986, 82 сл.]. Это употребление в титулатуре верховных этрусских магистратов формул zilaθ mexl gasnal, ерθне mexl rasneas [TLE 87, 233]. Что касается слова mex, напомним, что в билингве из Пиргии оно выступает в составе формулы θemiasa mex θuta как часть определения при имени строителя храма Тиберия Велианы, городского правителя, коего в соответствующем месте финикийский вариант именуется "царем" (mlk) [TLE

ничтожно мало среди сотен имен, известных из этрусских надписей. Но я напомнил бы для сравнения, как три-четыре скандинавских имени в русском языке оказываются ценнейшими реликтами варяжской эпохи в нашей истории.

СЕМАНТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ ФРАКИЗМ

В ЭТРУССКОЙ ТЕОНИМИКЕ: ИМЯ ВЕРХОВНОГО БОГА ЭТРУСКОВ

Разобранный материал позволяет по-новому поставить вопрос о происхождении известнейшего индоевропейского элемента этрусской мифологической номенклатуры: имени верховного бога-громовника, этрусского Юпитера – Tin(s) с вариантом Tinia (Tina). Его почитание засвидетельствовано изображениями и надписями с VI в. до н.э. [Pffiffig 1975, 231], впрочем, возможно упоминание его в одной сильно поврежденной надписи VII в. до н.э. из Цере [ThLE I, 338]. Внутри этрусского это имя надежно связано с апеллативом tin "день", представленным в загребской "Книге мумии" в составе многократно повторяемой формулы tinsi tivri-m avilś xiś, несущей некое сакраментальное указание на день и месяц (tivri) года (avilś) (M II, 3; III, 21-22; IV, 2; V, 3; VIII, 15; IX, 3, 10-11). От этого теонима образованы редкое имя Tinθur "Потомок Тина", а также перузинское родовое имя Tinś [ThLE I, 338], носители коего по вступлении в римское гражданство, по данным Пффифига, сменили его на Iuventii т.е. *Iuventii «Юпитеровы» [Pffiffig 1975, 231]. Еще в 1909 году С.Бугге отождествил этрусское tin "день" с рядом индоевропейских обозначений дня, включая и славянское слово [Bugge 1909, 191]. К настоящему времени индоевропейский источник этой лексемы и соотносящегося с ней теонима допускают авторитетнейшие этрускологи [Pallottino, 1984, 498; Pffiffig 1975, 232] Однако авторы, ссылающиеся на это отождествление, не задумываются над тем, что приняв его, мы должны будем отвести

874]. В указанной публикации я реконструирую для обозначения сферы полномочий этрусских правителей формулу *mex gasnal или как вариант *mex gasnea < *mex gasnia, где последнее слово очень напоминает индоевропейское прилагательное. Здесь же надо отметить различие в этрусских пограничных надписях между "городскими границами" – tular spural [TLE 675, 676, 679] и некими более значительными tular raśnal в Кортоне, на краю этрусского ареала [TLE 632]. Главное, что делает для меня сейчас сомнительным этимологическое отождествление gasna с regnum, – так это неясность в том, какой именно индоевропейский сатемный язык мог бы послужить источником подобной формы: ибо все обнаруживаемые в этрусском отражения восточно-балканских имен с основой и.-е. *reg'- (за исключением единожды встречающегося Rasce), сохраняют е в основе.

гипотетическому языку-источнику, повлиявшему на праэтрусский весьма своеобразное место в индоевропейской семье.

Дело в том, что в ее рамках элементы древней гетероклизы *dei-w- / *dei-n- оказываются семантически распределены таким образом, что продолжения первой основы сохраняют полисемию, неся пучок смыслов "небо", "свет, день", "бог", наконец, "верховный бог – солнечный или грозовой" и лишь частично дифференцируя их аблаутом. В то же время за рефлексами *dein- закрепилось узкое значение "день", представленное в др.-инд. *dīnam*, лит. *dienà*, слав. *дѣнь, лат. *nun-dinae* из **novem-dinae*, гот. *sin-teins* "ежедневный", с особым развитием в др.-ирл. *denum* "*spatium temporis*" [Pokorný 1959, 186]. Если связать этр. *tīn* с этим последним рядом не представляет труда, то значение *Tīn(ia)* "грозовый бог" по меркам индоевропейской смысловой дистрибуции основ выглядит настоящим раритетом. Существует ли такой индоевропейский язык, из которого оно могло быть почерпнуто и который выпадал бы из общей обрисованной картины?

Как известно, П.Мериджи долгое время пытался отождествлять для лувийского иероглифического языка написание "DEUS-na" с редкими и неясными по смыслу словоформами *tí-na-i*, *tí-na-ī* [Meriggi 1937, 104 сл.; Meriggi 1953, 40 сл.; Meriggi 1962, 166; Мериджи 1980, 55]. Часть авторитетных лингвистов тех лет не только присоединилась к нему, но и допускала в лув. иерогл. *tína* прообраз имени этрусского Юпитера [Georgiev 1962, 16; Kronasser 1959, 70]. Другие думали, что за лув. иерогл. "DEUS-na" скорее может скрываться какое-то из хетто-лувийских обозначений для бога – то ли хет. *šuni/a* [Bossert 1935, 284 сл.; Bossert 1950, 224], то ли лув. *mašana* [Laroche 1960, 189]. И, надо сказать, пересмотренное в 1970-х чтение ряда знаков лувийской иероглифики [Hawkins, Morpurgo Davies, Neumann 1973] – после которого, кстати, бывшее *tí-na-i* читается как *tí-na-zi*, а прежнее *tí-na-ī* как *tí-na-za* – подтвердив теснейшую близость лувийского иероглифического и клинописного языков, придало чтению *masana* для «DEUS-na» наибольшее правдоподобие. Но, главное, еще до этой ревизии Дж.Хоукинс, разобрав надпись А 23 из Кархемыша, где встречаются образования от основы *tína*, показал: в соответствующих местах (§§ 4-5) речь идет о благодеяниях, оказанных владычицей Кубабой кархемышскому царю, и винительный падеж *tí-na-i* (= *tí-na-zi*) характеризует некие дары Кубабы правителю, а датив *tí-na-ī* (= *tí-na-za*), опять-таки, связан с наделением царя этими же благостями. Таким образом, значение "бог(и)" для *tína* оказывается явно неподходящим [Hawkins 1972, 100-102].

Через несколько лет после статьи Хоукинса Г. Нойман более чем откровенно написал о варианте Мериджи: "... ein Blick auf den Kontext zeigt das er ohne allen Anhalt ist" [Neumann 1976, 310]. Итак, мы можем определенно сказать: лувийская иероглифика нисколько не проясняет этрусского феномена.

Недавно Ю. В. Откупщиков предпринял смелую попытку отыскать и.-е. *dein- в смысле "бог", ссылаясь на лат. *res deinae, res dinae* (= *res divinae*) [CIL I², 366, 11, 4766], а заодно на греческую парадигму Ζήν, Ζηνός, Ζηνί будто бы из и.-е. *di-ēn [Откупщиков 1997]. Однако, научная добросовестность заставляет этого автора в порядке полемики обсуждать возможные альтернативные объяснения этих форм, выглядящие на менее, если не более правдоподобно, чем отстаиваемая им. Например, *deinae* (*dinae*) очень хорошо выводится из *deivīnai, так же соотносящегося с *divinae* (из *deivīnai), как в литовском *diēvinas* с *dievūnas*. Откупщиков по этому поводу замечает, что в латинском не видно других следов *deivīnos, но непонятно, каких ему надо еще следов, когда речь идет о явно реликтовой, архаичной форме. Что же касается греч. Ζήν, -νος, -ν, то даже если сомневаться в старом – и в общем-то очень неплохом! – объяснении, усматривающем в основе этой парадигмы древний аккузатив, идентичный лат. *diēm*, др.-инд. *dyām* [Chantraine 1953, 81], то ведь в запасе остается проскальзывающее у Откупщикова сравнение с хеттским названием для "бога". Ведь в хеттском нанизывание друг на друга элементов старой гетероклизы *dyeu-n- дает нам генетив *šiu-n-as*, датив *šiu-n-i* [Friedrich 1953, 194 сл.], формально вполне идентичные греч. Ζηνός, Ζηνί при всей оригинальности хеттского, использующего бенвенистову основу Π *dyeu- для обозначения бога вообще, а не только верховного небесного правителя.

Таким образом, на индоевропейском фоне этрусская ситуация выглядела бы практически необъяснимой, толкая к гипотезам в духе кречмеровской "protoindogermanische Schicht", если бы не резко выделяющиеся на том же фоне локальные фракийские свидетельства. Ибо во фракийской ономастике, наряду с многочисленными именами, отражающими название небесного бога при помощи элементов Δια-, Διασ-, Ζει- (из *diwo-, *diwos-, *diwei-) [D., 126, 185], мы встречаем в той же функции наглядное использование элемента Διv-.

Например, название местности на стыке Фракии и Македонии Διv-δρῦμη, где вторая часть тождественна греческому δρῦμός "дубовый лес", др.-инд. *druma* "дерево", естественно объясняется как *din-drumā "дубовая роща Дина" [Георгиев 1977, 144], что полностью отвечает индоевропейской традиции связывания Бога Грома с дубовыми

лесами. Такое истолкование подтверждается эпитетами Зевса и конника Хероса Ζινδρομηνος [D., 189], как бы выводящими этих богов из "рощи Дина". Это хороший пример того, как мифологическая тема, первоначально заключенная во внутренней структуре имени, по мере его десемантизации и "упрощения" начинает воплощаться в его внешних отношениях, его коннотациях и сюжетных связях.

В 1980-х Л. А. Гиндин, а за ним более определенно Л. С. Баюн подметили, что фракийские имена типа Βενδι-ζητα, Ε(π)τα-ζετα, Διτι-ζητης представляют собою кальки с лувийских имен, содержащих элемент -ziti "человек, жрец, служитель", вроде ^dΑγμα-ziti "Человек бога Луны", Νερα-ziti "Человек богини Хепат", ср. ^dΙυαρα-ziti "Человек бога Ияра", ^dTarḥu-ziti, вар. ^dTarḥunda-ziti "Человек Бога Грозы" [Laroche 1966, №№ 141, 369, 434, 1271, 1279]. Но если Βενδι-ζητα значит "Служительница Бендиды", а Ε(π)τα-ζετα – "Служительница (богини) Эпты", то Διτι-ζητης может толковаться только как "Служитель (бога) Дина".

Можно назвать ряд формульно-ономастических микроконтекстов, где на равных правах фигурируют продолжения основ *dyēu- и *din-: наряду с Dias-centus "Чадо Небесного Бога" видим Dini-centus "Чадо Дина"; рядом с Διου-τραλις имеем Dini-tralis [D., 239, 138]. Особенно интересно сопоставить такие композиты как Dias-dinus, Zia-dinnius и, с другой стороны, поразительное Δινε-δινις [D., 138]. Если видеть в этих композитах обычную для фракийских сложных имен схему определение + определяемое, то в заключительном элементе –dinnius, -dinus, -δινις приходится усматривать элемент, определяемый именем бога. Легче всего отождествить этот элемент с апеллативом "день, дневной свет". Тогда Dias-dinus и Zia-dinnius однозначно осмысляются как "День/Свет Небесного Бога". Соответственно, в Δινε-δινις нам открывается этимологическая фигура, сталкивающая одну и ту же основу в апеллативном и теофорном применении: "День/Свет Дина". Здесь же можно вспомнить и Dini-bales, где определяемый элемент выводится из индоевропейского *bhal-, лит. bālas "белый", греч. φάλος "белый, светлый", др.-инд. bhālam "блеск", ср. эпитет Юпитера Βάλος в Вифинии [D., 41]. Похоже, мы имеем здесь еще одно имя с той же семантикой: "Блеск Дина", собственно Бога Дня. Эти факты зримо обнаруживают, что во фракийском – похоже, единственном из известных индоевропейских языков – лексема *din- "день", скорее всего, через посредство формульных сочетаний того типа, что представлен в Dias-dinus, Zia-dinnius, конвертируется в прозвище, а, может быть, по некоторым областям и в основное имя небесного, в том числе грозового, властителя. В некотором смысле ситуация во фракийском выглядит перевернутой в сравнении с

общеиндоевропейской: у фракийцев основа *din- полисемична соединила значения "день" и "Грозный Бог", тогда как отражения основ *dyeu- / *deiwo- по наличным показаниям ономастики несут исключительно семантику "бог", "Верховный Бог" (возможно, "небо"), теряя часть праиндоевропейского смыслового поля.

К этому можно бы добавить, что среди простых личных имен во Фракии от той же основы, которые по греческим и латинским надписям передаются во множестве вариантов Δίης, Δίως, Δίνας, Δίνυς, Δείης, Dines, Dinus, Dina, особенно выделяются формы с расширением на -ia –Δίνας, Δείνας [D., 137 сл.]⁹.

Подведем итоги. Во Фракии мы наблюдаем точное соответствие к этрусскому положению дел с соотношением tin "день" : Tin "Громовержец", с втягиванием данной основы в антропонимику (имя Tinθur, гентилиций Tins = лат. Iuentii в Перузии) с наличием у Tin дублета Tina (Tina). Можно сказать, что этрусский регион четко воспроизводит все те особенности, какими Фракия выделяется во всем индоевропейском пространстве. Мы вправе заключить: наряду с внедрением носителей прафракийских имен в состав праэтрuscoго (тирсенского) этноса, еще в дописьменные времена прафракийцы оказали влияние на складывание тирсенского пантеона, в частности, в том, что касалось имени верховного бога. Не исключено, что заимствование апеллатива tin для именованя "дня" у праэтрусково, вроде той, что проходит через "Книгу Мумии" (в том числе, включение этого термина в сакральные формулы), состоялось в силу соотносимости термина с именем призываемого божества – ср. слова М.Паллотино: "tin "giorno" (con il nome del dio Tin, con cui può essere confuso nei testi)" [Pallottino 1984, 515].

Таковы устанавливаемые факты, от которых могут отправляться дальнейшие фрако-этрuscoие изыскания, получая отныне под собою клочок надежной лингвистической и культурно-исторической почвы.

⁹ Очень интересны примеры семантической и звуковой игры в таких фракийских ономастических контекстах, как: Δείος Δείου (Никомедия) и Δείος Δίειος (Долистово, округ Дупница) [D., 14]. Замечу: хотя этрусское имя Tiu в поздних надписях из Клузия могло бы отражать лат. Divus (после монофтонгизации), для этого имени не исключены и фракийские связи. Возможный фрако-этрuscoий параллелизм распространяется на образование уменьшительных форм фрак. Die-scus, Διο-σκους [D., 132, 142] ~ этр. Tiuza [ThLE I, 342] и на склонность в обоих ареалах к проникнутым звуковыми повторами конфигурациям с использованием этих основ: ср. вышеприведенное фрак. Δείος Δείου и этр. Tiuza Tius Vetusal clan [CIE 1303, 1304].

ЛИТЕРАТУРА

1. Баюн 1987 = Баюн Л.С. Фрако-анатолийские языковые связи в сравнительно-исторической перспективе //Античная балканистика. М.,1987.
2. Бенвенист 1995 = Бенвенист Э. Словарь идоевропейских социальных терминов. М.,1995.
3. Бузек 1994 =Бузек Я. Этруски, Адриатика и янтарный путь. //Этруски и Средиземноморье.М.,1994.
4. Георгиев 1958 = Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию.М.,1958.
5. Георгиев 1977 = Георгиев В. Траките и техният език. София, 1977.
6. Герценберг 1981 = Герценберг Л.Г.Хотаносакский язык.//Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки.М., 1981.
7. Гиндин 1981 = Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.
8. Гиндин, Цымбурский 1987 = Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. О Езеровской надписи и фрако-этруских связях: проблемы мнимые и подлинные.//Античная балканистика.М., 1987.
9. Дечев 1952 = Дечев Д. Характеристика на тракийският език. София,1952.
10. Дуриданов 1976 = Дуриданов И. Езикът на траките.София,1976.
11. Дыбо 1981 = Дыбо В.А. Славянская акцентология. М., 1981.
12. Иванов 1980 = Иванов Вяч. Вс. Анатолийские языки.//Древние языки Малой Азии. М.,1980.
13. Иванов 1989 = Иванов Вяч. Вс. Древнебалканские названия священного царя и символика царского ритуала//Палеобалканистика и античность.М., 1989.
14. Мериджи 1980 = Мериджи П.Учебник хеттского иероглифического языка.//Древние языки Малой Азии. М.,1980.
15. Откупщиков 1997 = Откупщиков Ю.В. Лат.divus и deus. // MNHMHС XARIN. Philologia classica. Вып.V.Спб.,1997.
16. Топоров 1997 = Топоров В.Н. К древнебалканским связям в области языка и мифологии.//Балканский лингвистический сборник.М.,1977.
17. Цымбурский 1986 = Цымбурский В.Л. [рец. на кн.: Немировский А.И. Этруски. От мифа к истории. М., 1983] //ВДИ, 1986, N3.

18. Цымбурский 2001 = Цымбурский В.Л. Фракизмы в этрусской ономастике: проблема экспансии балканского человека // Балканские чтения –6. Homo Balcanicus. Поведенческие сценарии и культурные роли. Тезисы и материалы, М., 2001.
19. Шантрен 1953 = Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. М., 1953.
20. Bossert 1935 = Bossert H.Th. Zwei hethitische Hieroglyphen-Inschriften aus Erbelet// AfO,10,1935.
21. Bossert 1950 = Bossert H.Th. Zu drei hieroglyphen-hethitischen Inschriften///JKF, I,1,1950.
22. Brandenstein s.a. =Brandenstein W.Tyrrhener.//RE, 2-te Reihe. Hbd. 14,1. Stuttgart,s.a.
23. Bugge 1909 =Bugge S. Das Verhältniß der Etrusker zu den Indogermanen und der vorgriechischen Bevölkerung Kleinasiens und Griechenlands.Strassburg, 1909.
24. CIE = Corpus Inscriptionum Etruscarum. Leipzig - Firenze.1893 -
25. Colonna 1981 = Colonna G.L'anforetta con iscrizione etrusca di Bologna.//SE, 49, 1981.
26. De Simone 1975 = De Simone C. Etruskischer Literaturbericht: neuveroffentliche Inschriften 1970-1973//Glotta,53,1975.
27. De Simone 1991 = De Simone C. *Numasie-/ *Numasio-: le formazioni etrusche e latino-italiche en –sie /-sio //SE, 56,1991.
28. D. = Detschew D. Thrakische Sprachreste. 2-te Aufg. Wien,1976.
29. Georgiev 1962 = Georgiev V.Hethitisch und Etruskisch. Sofia, 1962.
30. Georgiev 1975 = Georgiev V.Die thrakischen Götternamen.Ein Beitrag zur Religion der alten Thraker. //LB, XVIII, I, 1975.
31. Georgiev 1979 = Georgiev V. La lingua e l'origini degli etruschi. Roma,1979.
32. Fraenkel 1965 = Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch.Bd.II.Heidelberg, 1965.
33. Friedrich 1953 = Friedrich J. Hethitische Wörterbuch. Lief. 3.Heidelberg, 1953.
34. Hawkins 1972 = Hawkins J.D. Building Inscriptions of Carchemish: The Long Wall of Sculpture and Great Staircase.// AS,22,1972.
35. Hawkins, Morpurgo-Davies, Neumann 1973 = Hawkins J.D., Morpurgo-Davies A., Neumann G. Hittite hieroglyphs and Luwian: new evidence for the connection. Heidelberg, 1973.
36. Kretschmer 1925 = Kretschmer P. Das nt-Suffix.// Glotta,14.1925.
37. Kronasser 1959 = Kronasser H. Das hethitische Wort für "Gott".//Die Sprache,V,1959.
38. Laroche 1960 = Laroche E.Les hiéroglyphes hittite.1-ère serie. P.,1960.
39. Laroche 1966 = Laroche E. Les noms des hittites.P.,1966.

40. Mayer 1951 = Mayer A. Zwei Inselnamen in Adria. I. Kerkyra. // KZ, 70, 1951.
41. Meriggi 1937 = Meriggi P. Listes des hiéroglyphes hittites. // RHA, 4, 1937.
42. Meriggi 1953 = Meriggi P. Schizzo della declinazione nominale dell' eteo geroglifico // AGI, 38, 1953.
43. Meriggi 1962 = Meriggi P. Hieroglyphisch-hethitisches Glossar. 2-te Aufg. Wiesbaden, 1962.
44. Neumann 1976 = Neumann G. [рецензия на кн.: Neu E. Der Anitta-Text. Wiesbaden, 1974] // IF, 81, 1976.
45. Orel 1984 = Orel V. Etruscan elements in a Thracian inscription ? // Glotta, 62, 1984.
46. Pallottino 1984 = Pallottino M. Etruscologia. 7-ma ed. Milano, 1984.
47. Pape-Benseler 1875 = Pape W., Benseler G. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Bd. II. Braunschweig, 1875.
48. Pfiffig 1969 = Pfiffig A.J. Die etruskische Sprache. Graz, 1969.
49. Pfiffig 1975 = Pfiffig A.J. Religio etrusca. Graz, 1975.
50. Pokorny 1959 = Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern-München, 1959.
51. Rix 1963 = Rix H. Das etruskische Cognomen. Wiesbaden, 1963.
52. Rix 1989 = Rix H. Zur Morphostruktur des etruskischen s-Genetivs. // SE, 55, 1989.
53. Schulze 1904 = Schulze W. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. B., 1904.
54. ThLE I = Thesaurus linguae Etruscae. I. Indice lessicale. Publ. da M. Pallottino a cura di M. Pandolfini Angeletti. Roma, 1978.
55. ThLE II = Thesaurus linguae Etruscae. I. Indice lessicale. Primo supplemento. Publ. da M. Pallottino a cura di M. Pandolfini Angeletti. Roma, 1984.
56. ThLE III = Thesaurus linguae Etruscae. I. Indice lessicale: ordinamente inverso dei lemmi. Elab. da L. Fasani e publ. da M. Pallottino a cura di M. Pandolfini Angeletti. Roma, 1985.
57. TLE = Testimonia linguae Etruscae. 2-a ed. Firenze, 1968.
58. Tomaschek 1980 = Tomaschek W. Die alten Thraker: Eine ethnologische Untersuchung. Wien, 1980 (paginatio varia).